

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ В СОБИБОРЕ

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ
В СОБИБОРЕ

Алекс Маркман

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ В СОБИБОРЕ

Алекс Маркман

Copyright © 2012 Alex Markman

Published by Asteroid Publishing at Smashwords

All rights reserved.

eISBN: 9780463059210

Уже две недели как осенняя свежесть увядающей природы в Польше сменила запах паленой смерти. В ночной прохладе угадывалась суровость приближающейся зимы. С заходом солнца лагерь Собибор погружался во мрак. В это время на территории, отведенной для обитания обреченных на смерть, они могли делать что угодно.

В одну из таких ночей бывший лейтенант Красной Армии, а теперь – покорный раб во власти СС – вышел из жилого барака и встал между кузней и сапожной мастерской: там его не могло быть видно ни с вышек, ни со стороны той части лагеря, где жили надзиратели и многочисленная охрана. В принципе выбор места был не столь уж важен. Ворота в жилой квартал заключенных закрывались на ночь, и никто из охраны там не появлялся до утра. Охране было наплевать, что они делают или думают. Какая разница? Для них заключенные – это человеческий мусор, который будут сжигать.

Ночь была временем тяжелых раздумий приближающегося восстания. Почти верная смерть, но получишь свободу воевать. Но ведь для этого и существует солдат!

В десять часов вечера, при слабом свете звезд, лейтенант осматривал, в который раз, расположение барачков и вышек, определял расстояние между объектами и анализировал тысячи мелочей, которые нужно было учесть в разработке плана прорыва. Никогда не знаешь, что именно пригодится, он это испытал на фронте. Кто больше знал до боя о противнике, тот быстрее соображал в действии. А для этого нужна серьезная подготовка. Удача приходит к тому, кто к ней лучше подготовится.

Лейтенант глубоко вздохнул, наполнив легкие осенней прохладой. Ах, какое это чувство, радость

бытия! К сожалению, это понимаешь в полной мере тогда, когда уже стоишь на пороге смерти.

Александр Печерский – Саша, так его звали здесь, в сотый, если не в тысячный раз, мысленно перекраивал план побега из этого немецкого пекла. Вернее, даже, не столько побега, сколько восстания идущих на верную смерть: сценарий, который может быть только на страницах книги автора с богатой фантазией, но не в реальной жизни.

И правда, чистейшее безумие: безоружная, неорганизованная, запуганная толпа, с парализованной волей, против отлаженной машины уничтожения людей?

Лейтенант взгляделся в темноту. Несколько рядов колючки, между которых размеренно шагали вооруженные охранники; вышки с современными пулеметами; ров с северной стороны, с ледяной осенней водой. Лучшие умы Германии продумали эту систему.

«Мы вас, Германия, поздравим после войны за ваш технический гений», – подумал лейтенант. «А сейчас у вас туз козырный. Однако», – рассуждал далее лейтенант, – «есть обстоятельства, не относящиеся к техническим деталям предстоящей бойни, о которых вы, твари, даже не догадываетесь. Вся ваша лагерная охрана уверена, кстати так же как и те, которых вы загнали в этот ад, что сопротивление невозможно. Все работает пока, как немецкой точности механизм. Вариантов нет, как нет их у зверей в клетке; даже самые свирепые и сильные из них такие же беспомощные, как зайчики или мышки. И эта ваша уверенность работает в нашу пользу».

Есть и другое обстоятельство – решимость и сила людей, готовых умереть в бою. Если вся эта масса, шестьсот человек, вдруг превратится из аморфной толпы в боевую единицу разъяренных, организованных воинов, их удар может разбить вдребезги эту отлаженную систему смерти. Все зависит от организации, решимости

и слаженности. Сейчас это легло на его, Саши Печерского, плечи.

В темноте появились очертания быстро приближающейся фигуры. Илья Фейнберг, узнал Саша, молодой солдат, двадцать один год отроду, попавший вместе с ним в плен. Паренек был шустрый, о таких говорят – рыцарь без страха и упрека. Когда немцы отбирали евреев из военнопленных, его национальность не выясняли. Не было необходимости. Маленький, смуглый, с большим костлявым носом, черными выющимися волосами и коричневыми глазами, – от таких не требовали документов, подтверждающих их еврейское происхождение. Он был худощав, ниже среднего роста, но удивительно физически сильный, чего никак нельзя было ожидать от такого, на вид, хлюпика. Илья был из тех, на которых можно было положиться в разгаре битвы.

Обычно точный, сегодня он немного запоздал, но что поделаешь? Часов ни у кого нет, да и к тому-же Саша догадывался, чем был занят Илья, помимо забот возложенной на него миссии.

– Извиняюсь, товарищ лейтенант, не смог раньше, – заговорил вполголоса Илья, но Саша тут же резко его оборвал.

– Сколько раз говорить тебе, что я больше не лейтенант? Мы с тобой одного ранга; пленные, заключенные, как хочешь называй. Нет между нами разницы. Понял?

– Да. – Секунду помедлив, он начал новый заход.

– Александр Аронович...

Саша снова его оборвал.

– Прекрати. Говорят тебе, называй меня Саша. Понял? Во балбес. Мы в этом аду... А он меня по имени-отчеству величает.

Илья терпеливо выслушал, а потом решил оправдаться.

– Так вы же старый, – неуверенно сказал он. – Как же к вам обращаться?

Сказал, и тут-же понял, что сморозил что-то не то.

– Что? – Саша едва сдержал крик изумления. –

Старый? Ты знаешь сколько мне лет?

– Да, – уныло ответил Илья. Ему стало неловко от того, что он все время говорит невпопад. – Тридцать четыре.

– И что, тридцать четыре – это старый?

– А че? – виновато спросил Илья, как будто хотел сказать: «Куда уж больше?».

Саша хмыкнул и безнадежно махнул рукой. Пацан, двадцать один год, для него Саша был тридцатичетырехлетний старик.

– Знаешь че, пацан? – передразнил его «че» Саша. – Не дури. Называй меня Сашей. Понял?

– Понял, – отрапортовал Илья и расправил плечи, как будто решил встать по стойке смирно перед начальством.

– Ну , как, говорил с ней? – спросил Саша. Даже в полумраке было видно, как осветилось радостью лицо Ильи.

– Да, да. Она согласна. Она говорит, что у нее есть несколько верных подруг, на которых можно положиться. Она готова хоть сейчас пойти убивать немцев. Я одну из ее подруг видел. Во баба! Конь с яйцами. На мужика больше смахивает, если бы не титьки, – он жестом обеих рук показал свое восхищение объемом этих титек. Эстер ее зовут. Ты ее видел?

– Нет, не видел, – сказал Саша. – В лагере полно женщин, всех не переглядишь. Ну, и что она?

– Да она хоть сейчас в бой. Ух, как она их ненавидит! Я – говорит – буду рвать их на части.

– У тебя до армии женщины были? – спросил Саша.

– Одна была. Но недолго. В армию меня забрали, потом сразу война. Но это было не то, Саша. Она... У нее

такая душа. Такая душа. Когда мы вырвемся отсюда, мы попробуем с ней к нашим, а после войны мы поженимся.

Как и большинство в ранней молодости, он не верил в смерть. Это было за пределами его сознания. Саша воздержался от высказывания своего мнения на этот счет.

– Вижу, вижу, ты полностью ей доверяешь. Это всегда так, когда по любви.

– Она такая красивая, Саша, – продолжал Илья – но она старше меня. Ей двадцать пять. Ну и что, правда?

– Живи, пока живется, – пробормотал Саша.

– Вот, удивляюсь я, что немцы разрешают женщинам и мужчинам в одной зоне жить, – продолжал Илья. – В наших лагерях такого нет. Женщин поселяют в отдельные лагеря.

– Не болтай, – нахмурился Саша. – А немцы разрешают это потому, что считают нас человеческим мусором. Не будут они тратить деньги на строительство отдельного лагеря для женщин. Им все-равно, что мы делаем.

– А у нас лучше? Моего отца арестовали в тридцать восьмом. Он ухитрился прислать весточку из лагеря, – не унимался Илья. – Не верю я, что мой отец предатель.

– Хватит, – прервал его Саша. – Мы сейчас обсуждаем план восстания.

– А че ты боишься? – не отступал Илья. – Здесь нет комиссара.

– Илья, – Саша перешел на командирский тон. – Мы солдаты, даже в плену. Мы солдаты Красной армии. Мы на войне. Наша задача – воевать. Когда война закончится, будем разбираться со своими делами. Что еще ты можешь сказать о ней? Как ее зовут?

– Илана. Как я уже сказал, она медсестра. Когда мы вырвемся отсюда, если среди нас будут раненые, она здорово пригодится.

– Среди нас не будет раненых, – сказал Саша. – И вытаскивать раненых, как на поле боя, мы не будем. Это бесполезно. Кто успеет убежать от пуль, тому повезло. Кто нет – останется умирать. Это единственный вариант успеха. Это должен понимать каждый, который согласится на прорыв.

Илья хотел было что-то сказать, но осекся, увидев что Саша поднял руку в жесте, который означал: «молчать». Команды командира Илья привык выполнять беспрекословно.

Саша уловил слабый хруст приближающихся шагов. Он заметил хмурую гримасу, застывшую на лице Ильи.

– Это Леон, – вполголоса сказал Саша. – Фельдхендлер.

Леон был инициатором прорыва из лагеря до того, как привезли Сашу с пленными солдатами. Но он не был военный. Он не мыслил категориями схватки. Все его планы сводились к организации побега, а не прорыва. Естественно, в этом плане было много прорех. Если даже побег удастся, СС расстреляют многих из оставшихся, в назидание другим, как это уже происходило несколько раз. Шансов сбежать практически не было: лагерь был хорошо продуман. Леон, если бы даже захотел, не смог бы прибегнуть к насилию и убийствам только лишь потому, что составить такой план, продумать его до мелочей и выполнить его должен был солдат. У Леона не было людей, которые могли бы убивать и обращаться с оружием. Прибытие солдат, согласных на прорыв, поменяло все.

Леон пришел не один. Рядом с ним была женщина – он предупреждал, что придет с переводчиком. Он не знал русского, а Саша и его солдаты не знали польского. Еще одна сложность, с которой нужно иметь дело.

Саше понадобилась доля секунды, чтобы разглядеть женщину. Молодая, с хорошей фигурой, с осанкой

бесстрашной Жанны д'Арк, она спокойно встретила сашин изучающий взгляд. В полумраке ее серьезные глаза светились лихорадочным блеском.

Леон, среднего роста, широкоплечий, с суровыми и печальными глазами, производил впечатление человека незаурядного ума и сильной воли.

Леон метнул взгляд на Илью, а потом обратился к Саше. – Ее зовут Илана, – представил он женщину. – Она хорошо знает русский.

Саша мельком взглянул на Илью и все понял. Это была она. Таким огнем полыхают глаза либо от бесконечной любви, либо от испепеляющей ненависти.

Саша согласно кивнул. Леон протянул ему аккуратно сложенный лист бумаги.

– Здесь нарисована схема лагеря. Ты увидишь где оружейная, бараки охраны и администрации, ну все остальное. Даже все, что касается второго и третьего лагеря, от раздевалок до газовых камер там есть, хоть нам эта часть и не пригодится. Но кто знает?

Илана бегло переводила. У нее был сносный русский, но с сильным акцентом. Иногда она на мгновение останавливалась в поисках нужного слова. Даже в темноте Саша заметил, как она стреляла глазами в сторону Ильи. В эти мгновения они струились теплом и нежностью.

«Любовь есть даже в лагере, в минуте от смерти», – подумал Саша. – «Такова ее сила: она не думает о смерти».

Саша взял бумагу, развернул ее и поднес близко к глазам, но тут же свернул ее обратно и положил в карман.

– Хорошо, – сказал он. – Хорошая работа. – Ты подготовил людей?

– Да. Топоры все готовы, в кузне ребята сделали ножи. С утра, в день когда начнем, мы раздадим ножи и положим топоры туда, куда будем заманивать эсэсовцев,

– вполголоса заговорил Леон. – Мы отобрали обувь для них – хорошую обувь, – а также пальто и куртки, ну, всякие дорогие штуки. Они будут довольны. –

Все усмехнулись. Во время примерки довольные эсэсовцы получают удар топором по голове. Таков был замысел.

– Проблема в исполнителях – продолжал Леон. – Никто из моих людей раньше не убивал. Они очень волнуются. И хоть ненависть, сам понимаешь, творит чудеса, но для всех нас это будет тяжелая задача. Как бы не сорвалось...

– Могу я помочь? – спросил Илья.

– Ты ведь не работаешь в тех мастерских и зданиях, куда мы будем их заманивать, – сказал Леон. – Если тебя там увидят, это может вызвать подозрение.

– В этом нет проблемы, – сказал Илья. – Я водопроводчик, я могу появляться где угодно. Может, мне удастся присоединиться и спрятаться к приходу одного из них. Я его прихлопну, как жука. Мне нужен нож, или топор, или что там будет.

– Ты предупредил своих людей, что через несколько дней начнется? – спросил Саша Леона.

– Да, но ведь ты хочешь, чтобы все заключенные приняли участие в восстании. Мы не можем открыто обращаться ко всем. Мы точно знаем, что есть доносчики. Чем больше людей будет знать о восстании, тем больше шансов провала.

– Я согласен с тобой, Леон, – кивнул Саша. – Но чем больше людей примет участие в восстании, тем больше у нас шансов на успех. Мы, конечно, постараемся захватить оружие, и если получится, то наши солдаты будут стрелять, отвлекая стрельбу охраны на себя. Уверен, что наш огонь будет эффективнее чем их, потому что охрана не нюхала пороха, не была в бою, а в первой перестрелке руки трясутся от страха, да и точность стрельбы никуда не годная. Но кроме солдат

все другие не знают с какой стороны держать винтовку. Сообщите доверенным людям о дате восстания за день до него, а остальным – в тот час, когда мы перережем связь и начнем убивать этих паскуд.

– А женщины должны принимать участие в восстании? – спросила Илана.

– Обязательно.

– А что они смогут сделать? Они не умеют воевать.

Все уставились на Сашу в ожидании ответа. После короткой паузы он сказал: – Во первых, нужно всем дать шанс сбежать отсюда. Нечестно оставлять кого-либо. Если побег удастся, всех, кто останется в лагере, расстреляют. Во вторых – и это очень важно, как бы вы на это ни смотрели, – наша сила в численности. За проволокой – минные поля. Кто-то подорвется на минах, и расчистит дорогу для бегущих сзади. Также, большое число бегущих мишеней – большая проблема для тех, кто стреляет. Трудно сконцентрироваться, стрельба не эффективна, это знает каждый солдат, который бывал в перестрелке. А охрана никогда не бывала в бою, руки у них будут трястись от страха, когда они получат ответный огонь. Так что, чем больше людей побежит, тем больше останется в живых.

Наступило молчание. В словах Саши угадывалась холодная логика войны, без всяких сантиментов. Илана была первой, кто отреагировал на его речь.

– Значит, нам нужно больше бегущих мишеней? – спросила она.

– Да, – спокойно ответил Саша. – Это то, что происходит на войне.

– Это нечестно, – неуверенно произнесла Илана. – Среди нас будут люди, которые не смогут быстро бежать. Они будут первыми мишенями. Это жестоко.

– Жестоко? По отношению к кому? Эти бегущие мишени – это я, и ты, и Леон. Среди нас нет тех, у кого есть преимущества. Поэтому идеально, если бы приняли

участие все. Но это не произойдет. Здесь нужна сила духа. Есть среди нас такие, которые предпочтут, чтобы немцы их сожгли, но не идти под пули. Такова сила страха и глупость безволия. Этим пользуются немцы. Кстати, вечером перед восстанием предупредите своих людей, чтобы они одели на себя как можно больше теплой одежды. Ночи в октябре холодные, как сегодня. Если вырвемся, придется спать в лесу как есть, в одежде, пока не присоединимся к партизанам, или кто найдет какое убежище. Дополнительный слой одежды также пригодится, когда будем прорываться через колючку.

– В том месте, где ворота, нет мин, – вмешался в разговор Леон. – Может, не понадобится лезть через колючку.

– Понадобится, – уверенно возразил Саша. – Основной огонь с вышек, и от патрулирующей охраны, будет направлен в сторону ворот. – Он глубоко вздохнул, представив себе толпу, бегущую под пулеметным огнем.

– Мы перережем связь, – сказал Леон. – Если в течение часа воинские части не смогут связаться с лагерем, они поднимут тревогу.

Саша с удовлетворением отметил как загорелись в темноте адским огнем глаза заговорщиков. В них была смесь решимости, нетерпение воина, и волнение в ожидании либо победы, либо смерти. И в самом деле, это были обреченные, предпочитающие достойную смерть унижительному и мучительному существованию. Это были люди, дух которых до сих пор не был сломлен.

– Очень важно, чтобы прорыв был в разных местах лагеря, – сказал Илья, воспользовавшись паузой. – Охрана не сориентируется сразу. Им будет неясно, куда стрелять в первую очередь.

– У них пулеметы на вышках, – сказал Леон.

– Пулеметы тоже должны вести прицельный огонь, – сказал Саша. – Как часто им приходится стрелять по

бегущим мишеням? Их стрельба не будет эффективной. А те из наших солдат, которые захватят стрелковое оружие, будут стрелять в охрану прицельным огнем. Это еще больше посеет панику среди них. Посмотрим, какие они будут герои, когда запахнет порохом.

– Женщины будут готовы к порыву, – сказала Илана.
– Я буду держать Илью в курсе.

Она повернулась и исчезла в темноте. За ней последовал Илья. Леон внимательно посмотрел на Сашу и молча удалился.

Из свежести осенней прохлады Илана вошла в душную темноту женского барака. Обычно в такой поздний час все обитатели спали, но сегодня было не так. Причиной была Божена, полька двадцати трех лет, белокурая, голубоглазая красотка, как с рекламы журнала. Она была единственной нееврейкой. Чистейших кровей полька лежала в родовых муках и зажимала рот руками, чтобы погасить стоны. Илана сразу бросилась к ней. Эстер, подруга Иланы, была рядом с Боженой, гладила ее и что-то ласково бормотала.

– Ты что так долго? – спросила она Илану с укоризной. – Здесь нет ни одной из медицинской профессии. – Илана заметила в полутьме как брови Эстер поднялись, образовав на лбу крупные горизонтальные морщины.

– Потом расскажу, – полушепотом уклончиво ответила Илана. Не медля ни секунды, она прощупала пульс Божены, а потом приблизила лицо почти вплотную к ее лицу.

– Как ты? – тихо спросила Илана.

– Ужасно больно, – ответила Божена. – Иногда отпускает, так тогда могу хоть дыхание перехватить.

– Невозможно уснуть под ее стоны, – пожаловалась какая-то женщина из темноты. – Если сегодня не выплусь, завтра свалюсь от усталости на работе.

Такое равнодушие неудивительно, подумала Илана. Изнурительный труд и скудный паек быстро делают свое дело. У нее тоже глаза слипались от усталости, но причастность к тайне готовящегося восстания придавала ей энергию.

Все женщины лежали почти вплотную друг к другу. Согласно установленной норме, на человеческую единицу полагалось один и одна десятая квадратного метра спальной площади. Какими расчетами руководствовались эсэсовцы? рассуждала Илана. Почему не больше или не меньше на одну десятую? Понять было невозможно: слишком большие умы проектировали лагерь смерти. И вот здесь, где все предусмотрено до мелочей, чтобы живой организм находился на грани как физического, так и психического существования, одна из них рождает!

Когда поезд с обреченными евреями прибыл в Собибор и из вагонов, обычно используемых для транспортировки скота, стали вываливаться толпы со своим скарбом, Илана сразу заметила Божену. Статная красотка, с копной белокурых волос, она стояла в первом ряду, опустив углы рта в презрительной, злой гримасе. У нее за плечами был маленький рюкзак. Она не взяла с собой кучу вещей, как это сделали остальные. Как потом Божена говорила, у нее не было иллюзий, как у многих евреев, куда ее привезли. Вещи там не пригодятся. Поляки знали о существовании лагерей смерти.

Когда надменный эсэсовец шагал, гордо расправив плечи, вдоль строя перепуганных и измученных людей и держал свою идиотскую речь, Божена стояла с высоко поднятой головой. Совсем не похожа на еврейку, подумала тогда Илана. Тот, что держал речь,

остановился напротив Божены. Она нахмурила брови и не отвела глаз. А потом, уже в лагере, после отбора наиболее физически сильных людей для подсобных работ, Илана познакомилась с ней, и Божена сказала, что она не еврейка. Полька. Еще тогда Илана обратила внимание на животик ее, но одежда Божены искусно маскировала беременность. Надзиратели тоже не заметили, и вот, донесла ребенка до родов.

– Господи, что будет, – беззвучно прошептала Илана и прощупала пульс Божены. Все идет нормально. В концлагере смерти!

– Как она? – спросила Эстер. В ее грубом, хрипловатом голосе появились нотки нежности. Вместо Иланы ей ответила Божена.

– Мне легче. Вот только бы к утру разродиться. Сил моих больше нет.

– Все будет нормально, – с наигранной уверенностью сказала Илана. – Иногда роды затягиваются. К подъему, я надеюсь, все закончится.

Божена шумно вздохнула. – Перед тем, как нас немцы забрали, – заговорила она надтреснутым голосом – мы с мужем обсуждали, как назовем ребенка. – Она слабо сжала руку Эстер. – Мы решили, что если родится девочка, мы назовем ее Эстер. Как тебя. А если мальчик – назовем его Лукас.

Ответом ей была тягостная тишина. Илана не сомневалась, что в головах тех, кто не спал, бушевали те же мысли. Завтра утром СС узнают о ребенке. Лукас ли, Эстер ли, все равно ребенку не жить больше дня. Вполне вероятно, что и Божена его не переживет. Последнее время она сильно сдала, едва волочила ноги при ходьбе, работала из последних сил. Порой на ее глазах наворачивались слезы, но силу духа она не потеряла, и выглядела беззаботной, когда появлялись фигуры в форме. Несомненно думала о ребенке, который должен был прийти в этот бессмысленный, полный ужасов мир.

Его никто не ждал. Было бы лучше, если бы он не родился.

– Закрой глаза и постарайся расслабиться, – сказала Илана.

– Хорошо, – едва слышно согласилась Божена. Снова наступила тишина.

К Божене было особое отношение обитателей барака. Ее арестовали за то, что они с мужем скрывали еврейскую семью. Это, в глазах фашистов, было преступление еще более тяжкое, чем быть евреем.

– Я не хотела этого, – призналась Божена, когда рассказывала историю своей жизни. – Я говорила мужу, что он рискует не только нами, но и нашим ребенком. Ведь кругом соседи, которые с радостью нас выдадут. Но он говорил, ведь это наши друзья детства, как я могу им сказать – убирайтесь отсюда. Послать их на верную смерть? Он чуть не плакал, хватался за голову. А когда нас брали, мы даже не успели попрощаться.

За два дня до родов Божена дала Илане клочок бумаги.

– Здесь адрес моих родителей, – сказала она. – У меня к тебе просьба, Илана. Если ты доживешь до конца войны, навести их, и расскажи, как что было.

– Никто из нас не доживет до конца войны, – сказала ей тогда Илана.

– Не зарекайся. Никто из нас не знает будущего, – возразила Божена. – Мне то точно на днях умирать. Этот клочок бумаги – вот все, что от меня останется. Навести их.

Эстер вывела Илану из транса воспоминаний.

– И не спрячешь ведь ребенка, зашептала она, придвинув губы к уху Иланы. – Да и кормить его нечем. Чем кормить-то?

Илана, в свой черед, тоже зашептала ей на ухо: – Какая тут кормежка. Через несколько дней восстание. Те, кто не сбежит, будут уничтожены. Лагеря не станет.

Эстер тихо взвизгнула от радости, и по мужски сжала руку Иланы. Илана продолжала: – Предупреди свою группу. Точный день сообщу вечером накануне восстания. Всем надеть теплую одежду. Если вырвемся, то спать придется в лесу, в чем есть, на земле.

– А оружие у нас будет? – спросила Эстер.

– Нет. Только у мужчин. Да и то, только у русских солдат. Больше никто не умеет обращаться с оружием.

– Мне нужен хотя-бы нож, – не унималась Эстер. – Я не надеюсь остаться в живых. Я хочу убить кого-нибудь из этих гадов. Я сильная. Хочу посмотреть ему в глаза перед тем как он их окончательно закроет.

В прошлом Эстер часто говорила, что она дважды заслуживает немецкой смертной казни. Она была еврейка, и она была лесбиянка. И тем и другим, по законам Рейха, полагалась смерть. Мужчины и дети ее никогда не интересовали. Она была авантюристка: бродила по Африке, взбиралась на Килиманджаро, любила спорт. На руках ее просматривался мужской мышечный рельеф.

Вдруг Божена вздрогнула и громко застонала.

– Началось, – громко сказала Илана. – Не волнуйся, Божена. Дыши глубоко. Скоро закончится. Тужься, давай, вот так, да...

– Ох, Господи, – выдохнула Эстер, – никогда такого не видела. Вот, создал Бог женщину для такого. Ей бы быть сильной, как мужчина, а природа распорядилась иначе. Где логика?

– Не философствуй, – резко прервала ее Илана. – Лучше сбегай на кухню, принеси теплой воды, если какую посудину найдешь.

Эстер тут же понеслась из барака. Не успела за ней захлопнуться дверь, как Божена издала истошный крик, и сразу смолкла. Ребенок родился.

– Все, Божена, – сказала Илана, принимая ребенка.

– Кто родился? – прохрипела Божена.

– Мальчик.

– Лукас, – сказала Божена. – Его зовут Лукас.

В барак влетела Эстер с кастрюлей воды. Женщины поднялись и засуетились вместе с Иланой вокруг ребенка и Божены. Раздался слабый писк, ребенка передали Божене.

– Он красивый, правда? – спросила Божена, подняв на Илану усталые глаза.

– Чудесный мальчик, – согласилась Илана. Божена вздохнула.

– Меня завтра уведут. Чувствую это. Если чудо случится и он останется, ты позаботишься о нем? – В ее полуоткрытых глазах не видно было слез: только усталость и капля надежды.

– Сделаю все, что смогу, – сказала Илана. Они обе знали, чего стоят их слова. Отсюда никто не уходил живым. А уж новорожденному даже один день жизни – и то удача.

Саша вышел из барака когда все улеглись и наступила сонная какофония храпа, тяжелого дыхания и кашля. Илья последовал за ним. Они остановились на углу здания и Саша указал пальцем на ворота.

– За воротами, за казармами, находится склад оружия. Это такая маленькая избенка. – Саша говорил тихо, но внятно. Он заметил как при слабом лунном свете глаза Ильи загорелись знакомым адским, жестоким огнем. – Хорошо бы добраться до этого склада, когда мы прорвемся через первые ворота. Но на это рассчитывать нельзя. Склад может быть надежно заперт, да и охрана может уже начать стрелять.

– Нас, солдат то, не так уж много, – заметил Илья. – Остальные и зарядить-то не смогут, а стрелять и подавно.

Саша пожал плечами. – Будем работать с тем, что есть. – Он повернулся в сторону мастерских. – Вот там

должен быть второй участок прорыва. Там есть место, где нас отделяет только одна колючка внутри лагеря, а за ней – еще одна по внешнему периметру. В остальных местах по два или три ряда колючки. А одиночные ряды легко порвать, но для этого нужно дать людям топоры и ножницы для металла. Это задача возлагается на тебя. Вокруг всего лагеря минные поля, а вот там, в месте прорыва, только небольшой участок заминирован. Этот участок простреливается двумя вышками. Надеюсь, что они не смогут во-время очухаться.

– Откуда ты знаешь, что там только малый участок заминирован? – спросил Илья.

– Леон сказал. Ты не представляешь себе, сколько Леон знает об этом лагере. Удивляюсь, как он это все узнал. Ну, да ладно. Другая группа будет прорываться через ворота. Там вообще нет минных полей и серьезных заграждений. Сюда мы, солдаты, пойдем, и попытаемся прорваться к складу оружия. С нами должен быть топор, может понадобится сбить замок или сломать дверь. Даже если это не получится, мы выходим на станцию, а там до леса тоже недалеко. Пока они поймут, что происходит, мы уже будем на большом расстоянии от лагеря, в лесу. А там уж кому как повезет.

– Так мне из кузни нужно всем пронести топоры, ножи и ножницы? – спросил Илья.

– Да. Как водопроводчик ты можешь ходить куда угодно, никто не заподозрит. Но если заметят, что ты проносишь топор, тогда всем крышка.

– Все сделаю, – заверил Сашу Илья.

– Учти, у нас на выполнение задачи есть всего час. Пинхас, электрик, приставлен немцами следить за исправностью связи. Он перережет провода связи в четыре ровно. Если не будет в течение часа связи с лагерем у гарнизона, который находится на солидном расстоянии отсюда, то гарнизон поднимут по тревоге. Таким образом, наша главная задача – заманить

надзирателей по одному в мастерские, перебить их, забрать их оружие, и прорываться со стрельбой в течение часа. Желательно всем нашим солдатам держаться вместе, будем двигаться в сторону Белоруссии, к своим. Населенные пункты будем обходить стороной, полякам доверять нельзя.

– Почему нельзя? – удивился Илья. – Они ведь ненавидят немцев. Немцы их оккупировали.

– Они ненавидят немцев, – согласился Саша, – но евреев выдают исправно. Мне Леон говорил. Не все они такие, конечно. Так что те, кто сбежит, будет иметь дело с поляками. Тут уж как повезет. А у нас – там мы найдем партизан, а там – война план покажет.

– Я вот..., – начал говорить Илья, и остановился. – У меня такой вопрос.

– Говори.

– Как быть с Иланой? Сможем мы взять ее с собой?

– Он смотрел в сторону, на ворота, как будто изучая способ прорыва. – Она сильная, и выносливая, знаешь какая! Она занималась гимнастикой, и вообще спортом, она также...

– Илья, Илья, – с мягкой укоризной прервал его Саша, и дотронулся до его руки, чтобы подчеркнуть, что пора остановиться. – Идет война. Мы готовимся к прорыву из лагеря, в незнакомой нам стране. Мы должны прорваться к своим. Не дури.

– Саша, а если я останусь в Польше с Иланой, меня после войны не будут судить как предателя?

– Не дури, – повторил Саша. – Нас, не только как евреев, а просто как советских солдат, здесь так же ненавидят, как немцев. У нас шансов выжить в этой стране нет. Вот если доживем до конца войны, будет у тебя все, что ты хочешь: женщины, любовь, веселье. И выпьем мы с тобой за победу. – Он ободряюще хлопнул Илью по плечу.

– Будет все, но не будет Иланы, – угрюмо пробормотал Илья.

– Кто знает? – возразил Саша. – Может после войны разыщешь ее в Польше. Сейчас наша задача – вырваться отсюда. Осталось два дня. Все ясно?

– А те, кто сможет заполнить винтовки, смогут стрелять в охрану, – сказал Илья. – Чем больше их перебьем, тем больше людей уцелеет. Меньше потерь будет среди нас.

– Нет, Илья. За колючей проволокой – только бежать.

– Может, останавливаться и отстреливаться? – спросил Илья.

– Не фантазируй. Ты сам знаешь, что на бегу прицельный огонь невозможен. Ты ни в кого не попадешь. Зря патроны потратишь, да и сам под пулю попадешь.

– Ну, а если на месте, когда в лагере? Вести прицельный огонь, пока все не убегут. Представляешь, какая поднимется паника среди этих гадов, когда мы их начнем убивать?

– Не фантазируй, – повторил Саша. – С оружием, или без, прорывайся к лесу, там мы найдем друг друга. Мы поднимаем восстание, чтобы сбежать и выжить, и рассказать людям обо всем, что здесь происходило, и воевать с немцами по настоящему, и показать этим сукам, как воюют солдаты в настоящем бою. Я бы хотел посмотреть на этих храбрецов, когда они попадут в плен.

– Я бы их загнал в этот лагерь, – сказал Илья. – Или в какой-нибудь наш лагерь. Там, наверное, тоже не сладко.

– Пора спать, – сказал Саша. – Завтра будет много работы.

– Нет, я позже, – сказал Илья. – Ты иди.

– Что, встречаешься с ней? – спросил Саша.

– Да.

– Ну, живи моментом. Живи и радуйся жизни. Если можешь.

Саша вернулся в барак, лег на свое место, и закрыл глаза. Не спалось, несмотря на усталость. Хотелось в бой. Мысль, что скоро будет драться, как полагается солдату, приводила его в необычайное возбуждение. Перед его мысленным взором прошли предыдущие две недели, когда поезда с людьми регулярно приходили в лагерь.

Фашистская машина смерти работала с ужасающей эффективностью. Утром прибывал товарняк с вагонами для перевозки скота. Из него вываливались тысячи евреев – были среди них такие, которые не в силах были передвигаться. Мертвецов выбрасывали на платформу. Живых направляли в лагерь номер два, где они сдавали одежду и свои вещи. Голую толпу гнали по дороге в газовые камеры – перед этим женщин и детей стригли наголо. Как потом, после войны Саша узнал, их волосы использовались для набивки матрацев, и в промышленности для производства войлока и других материалов. Особенно хороши для этой цели оказались детские волосы: у них была более крепкая корневая система, и потому их волосы были лучшего качества. Поэтому детей стригли так же тщательно, как и женщин.

Кто из прибывших не мог идти, тех направляли в «лазарет» – так назывался дом для больных и немощных – где их расстреливали.

После газовых камер трупы направлялись в топки для сожжения. Вся процедура заканчивалась к вечеру. Наутро все было чисто и опрятно, и машина смерти была готова к приему новых тысяч. Тех евреев из обслуживающего персонала, которые не проявляли должной расторопности, или не в состоянии были заниматься этой работой, расстреливали, и подходящая замена выбиралась из новоприбывших. И так день за

днем. И вдруг наступила тишина. Поезда перестали приходить. Это означало, что работа для обслуживающих заключенных закончилась. Настал их черед. Нужно было торопиться.

Поплатитесь, за все получите, была его мысль перед тем, как погрузиться в сон.

Илана провозилась с Боженой и ребенком еще два часа, а потом Эстер заставила ее идти спать. – Я железная, – уверяла она Илану. – Мне все нипочем. А на тебе много других забот. – Ясно, что она подразумевала: роман с Ильей и подготовка к восстанию.

Илана едва доползла до своей лежанки и, изнуренная до последней капли энергии, упала, как в пропасть, в глубокий, обморочный сон. Ей показалось, что он длился мгновение. К реальности ее вернул грубый стук и топот. Обычно служба лагеря здесь не появлялась ранним утром. Гнать на работу была обязанность капо, которые набирались из заключенных для надзора за основной массой. Отказаться от этой работы не было возможности. Плохо выполнять ее никто из них не смел. Остальные заключенные понимали их положение, и не рассматривали их как врагов, если, конечно, они не усердствовали.

Ранний утренний приход означал только одно: будут уводить доходяг, от которых уже было мало пользы.

Дверь распахнулась и в барак ввалились два эсэсовца и двое из охраны. Женщины выстроились напротив своих лежанок. Один из эсэсовцев, быстро зыркнув по сторонам, зачитал пять имен. Божена была среди них.

– Выходите, – скомандовал эсэсовец. Он был подтянутый, гордый, надменный, и излучал силу и превосходство расы, к которой он принадлежал. С пистолетом на боку, с плетью, удар которой мог свалить быка, и с вооруженной охраной, он никого не боялся.

Божена метнулась к своей лежанке, подхватила ребенка, завернутого в тряпье, и прижала к груди.

– Стой, – приказал гордый эсэсовец, и коснулся ее плеча рукояткой кнута. – Оставь ребенка. –

– Дайте ему умереть со мной, – сказала она, глядя на эсэсовца стальными, немигающими глазами. Эсэсовец пошевелил черной плетью.

– Оставь, я сказал. – В его тоне чувствовалась готовность применить плеть.

– Какая вам разница? – Голос Божены был хриплый, болезненный, насыщенный безнадежной тоской. Эсэсовец поднял высоко руку с плетью. Илана замерла, в ужасе уставившись на ребенка. Неужели он решиться бить его плетью?

– Сейчас вы оба вот это получите. – Он потряс плетью. Божена прижалась щекой к головке ребенка, а потом подошла к Илане и протянула его ей.

– Позаботься, родная, о нем, сколько можешь, – пробормотала она.

– Я сделаю все, что в моих силах, – пообещала Илана, и приняла Лукаса из рук Божены.

Доходяг увели. После нескольких мгновений молчания женщины заговорили все враз.

– И чего уж не дать им умереть вместе? – удивлялся чей-то громкий голос в конце барака. – Вот, подонки. А ходят надменные такие. Мрази.

Женщина, стоявшая рядом с Иланой, сказала ей: – Я знаю, что тут произошло. Этот немец был тот, который остановился напротив Божены когда нас высадили на перроне. Она не отвела глаз, как должна была сделать трусливая и покорная баба.

Ребенок начал плакать. Илана распеленала его, вытерла, и положила на свое спальное место. Это было все, что она смогла сделать. Нужно было спешить на построение, и потом на работу.

– До вечера, Лукас, – сказала она, поцеловав его на прощание, и выбежала из барака.

– Я его навещу днем, – сказала Эстер, пристраиваясь рядом с Иланой. – Помою его. Вот, беда. Сколько он так протянет?

Вечером Илана принесла теплую воду, чтобы обмыть ребенка. Лукас был еще жив, но силы уже покидали его. Он почти не плакал. Когда все начали укладываться спать, она обратилась к Эстер.

– Побудь с ребенком. Мне нужно встретиться с Ильей.

Эстер многозначительно кивнула.

– Согрей его у себя на груди, – попросила Илана. – Ему нужно материнское тепло.

Она ушла. Она знала, что участь ребенка решена несмотря ни на какие старания.

Выйдя из барака, она завернула за угол здания. Илья стоял в темноте, прижавшись к стене. Илана порывисто бросилась к нему на шею и обняла его так, как обнимают любимых перед долгой разлукой.

– Илюшенька, родной, – шептала она ему на ухо, – мой родной. Мой дорогой. Илюшенька.

Она таяла в его сильных руках, жадно скользящих по ее телу. Все это было за пределами самой необузданной фантазии: лагерь смерти, предстоящий прорыв под пулями и через минные поля, и ненасытная, бесконечная любовь. Любовь, жаркая как солнце, и рядом с ней грозовая туча почти неминуемой смерти, терзали ее душу. Быть может, на любовь остался один день. А там... Кто знает. Может, не будет ее, может не будет ее Илюши, а может не будет обоих.

– Судьба оставила нам часы. – В ее дрожащем шепоте звучала трагедия вечной разлуки. – Почему раньше у меня не было такой любви? Мне двадцать пять, а вот не было такого. Быть может чувства обостряются когда смерть неминуема?

– Не говори так, – взволнованно сказал Илья. – Мы прорвемся. У меня уже есть для нас план. Когда начнется, ты беги через ворота. Там нет минного поля. Там будут наши солдаты, и я там буду тоже. Мы будем стрелять, чтобы отвлечь огонь на себя и посеять панику среди охраны. Они не смогут стрелять по бегущим прицельным огнем. Будут стрелять как попало.

– Так ты не побежишь со мной? – спросила Илана, зажав его лицо в своих ладонях.

– Я с тобой, с тобой. Но ведь солдаты должны делать больше, чем бежать. Ты не беспокойся, Илана, все будет в порядке. В лесу мы найдем друг друга. А там уж мы никогда не расстанемся.

Илана спрятала лицо на его груди и затряслась в беззвучных рыданиях.

– Все будет в порядке, – убеждал ее Илья, глядя ее волосы. – Такую любовь, как наша, не могут убить.

– Как я боюсь за тебя, – сквозь всхлипывания бормотала Илана. – Как боюсь. Илюшенька, ненаглядный мой, как я боюсь. За тебя боюсь. Ты такой отчаянный. Ты рвешься в бой. Это, наверное, хорошо, без таких как ты прорыв невозможен. Но Боже мой, как я боюсь за тебя! Мне жизнь ни к чему без тебя. – Илана потерлась мокрой щекой об его небритую щеку. Она была жесткая, как щетка, и ей это нравилось.

– Илана, если нас жизнь разлучит – все может быть, сама понимаешь – так ты дай мне адрес своих родных. Я тебя найду. Ну, так, на всякий случай. Я хочу быть с тобой все время, я останусь в Польше с тобой, но ведь всякое может случиться.

– У меня нет родных, – сказала Илана. – Их всех сожгли здесь, в Собиборе. Ты у меня один. Дай лучше ты мне адрес своих родных.

– У меня тоже никого нет, – сказал Илья. – Моего отца арестовали как врага народа. Он был в лагере, когда началась война. Жив ли он сейчас, нет ли, не знаю. В

наших лагерях жизнь не намного лучше, чем здесь. Немногие возвращаются оттуда. Мать моя умерла вскоре после того, как отца арестовали. Не выдержала горя. Есть у меня братишка, на шесть лет младше меня, но жив ли он, нет ли, не знаю. Он ведь остался на территории, оккупированной немцами. Так что так... Будем искать друг друга, как придется. –

– А когда мы найдем друг друга, я буду играть тебе на пианино твои любимые мелодии – оживилась вдруг Илана. В ее шепоте, быстрым потоке слов было возбуждение ожидаемого счастья. – Я училась в музыкальной школе, мне пророчили большое будущее. Но потом у отца дела пошли плохо, денег не было, и я пошла учиться на медсестру. Я могу петь тоже. У нас, в Польше, есть хорошие песни. Я знаю русские песни тоже. А ты учился музыке?

– Нет. Я закончил среднюю школу, а потом пошел работать на завод. Отца забрали, не до музыки было. Тут сразу война. А до войны тоже не до музыки было. – Илья хмыкнул. – Знаешь, Илана, я наверное был рожден для войны. Мне было скучно в школе, и скучно на заводе. По настоящему я начал жить когда начались битвы с немцами. – Он расслабил кольцо своих рук вокруг тела Иланы. – После войны стану офицером.

– С ума сойти, – почти с испугом проговорила Илана. – Тебе нравится война? Война? Что может быть страшнее и безжалостнее, чем война? – Голосом полным негодования и осуждения она добавила: – Убивать людей?

– Не людей, а врагов, – поправил ее Илья будничным голосом. – Если бы ты сейчас узнала, что я убил всех немцев в лагере, ты бы меня осуждала? Сочувствовала бы убитым?

Илана не нашлась что ответить. Воспользовавшись паузой, Илья продолжал.

– Ты не представляешь себе, сколько солдат должен знать и уметь, чтобы хорошо воевать. На поле боя нужно всегда быть спокойным, и стрелять по цели, а не беспорядочно. Даже из автомата, если не прицеливаешься, все патроны летят в пустую. Если ведешь прицельный огонь, у тебя есть шансы попасть в цель, да и то трудно, а без прицела – пустое дело. Но не все могут оставаться спокойными и прицеливаться, когда кругом пальба и огонь. А мне хоть бы что. Только вот в груди волнение какое-то, радость битвы, мозги закипают, нет, тебе этого не понять, Илана, ты женщина. Все мышцы напряжены, ты готов к прыжку, как тигр, одна минута такой жизни стоит больше, чем год прозябания. А даже если не в бою, солдат должен уметь ориентироваться на местности, и принимать решение в момент, и знать хорошо любое оружие и как обращаться с ним, знать тактику боя, ну, многое чего. Я бы хотел дослужиться до генерала. Как ты думаешь, меня возьмут в польскую армию?

Илана вдохнула. – Вряд ли. Евреям нет в Польше жизни. И, наверное, не будет. Давай, вырвемся сначала отсюда. А потом будем думать. Только прошу тебя, Илюшенька, подумай хоть секунду обо мне, когда будешь стрелять в охрану. Побереги себя. Я не мыслю жить без тебя.

Илана вернулась в барак когда все, кроме Эстер, спали. Илана быстро разделась и взяла ребенка.

– Ничего уже не сделать, – зашептала Эстер.

Илана вздохнула и прижала малютку к своей обнаженной груди.

– Что толку, что ты его греешь? – прошептала Эстер, как будто опасалась, что ребенок может ее услышать. – Ну, проживет он еще несколько часов. Только продлишь

его муки. Будет помедленнее умирать от голода. Конеч-
то один.

– Ты не понимаешь, – покачала головой Илана и опустила глаза на притихшего Лукаса. – Ты безбожница, и для тебя душа – это слово, звук без сущности. Вот, он умрет сегодня, и душа его покинет его маленькое тело, и будет она жить вечно, и будет меня благодарить за то, что я дала ему возможность прожить несколько часов больше на земле, и когда мы предстанем перед Богом, ведь все мы...

– Перед Богом, – с возмущением перебила ее Эстер. Она взмахнула рукой в широком жесте. – Взгляни на это. Не хочешь, да? Как такое можно допустить? Кто решает судьбы наши? Бог или сатана? Даже сатана такое придумать не в состоянии. – Она метнула косой взгляд на остывающего ребенка. – Я вот что тебе скажу. Мы, евреи, всегда придумываем что-то, чего другие сразу-же хотят. Они это у нас отнимают, и за это нас карают. Так же произошло и с нашим Богом. – Эстер вздохнула. – Ох, как бы я хотела поменяться с ними ролями! Одеть их в арестантское тряпье, окружить их злыми собаками, и побеседовать с ними возле газовых камер. Поговорить с ними, а не с тобой, о Боге и о душе, и какой на земле будет праздник когда они будут гореть в печи.

– Спи, Эстер, – сказала Илана тихо, как будто боялась разбудить ребенка.

– Спокойной ночи, – сказала Эстер и закрылась одеялом с головой.

Через два часа Илана проснулась. Лукас был мертв. Илана закрыла глаза и крепче прижала его к своей груди, продолжая согревать его. Так, до утра, они лежали вместе, как любящие мать и сын.

Наступил рассвет. Илана беззвучно пошевелила пересохшими губами, как будто прошептала молитву, потом отняла ребенка от своей груди и бережно положила его на жесткую, шершавую лежанку.

Как и вчера, раздался знакомый злобный пинок в дверь. Зашли те же, что были вчера, и вызвали трех женщин. Те покорно подошли, вытирая слезы. Потом один из надзирателей приблизился к лежанке Иланы, взял Лукаса за голову, и кинул его, как куклу, одному из охранников. На лету самодельные пеленки упали на пол, охранник ловко поймал уже голого ребенка за ножку, а потом пошел за остальными, размахивая лениво руками, как на скучной прогулке. Дверь за ними закрылась.

– Будьте вы все прокляты, и весь род ваш, – громко сказала Эстер.

– Будте прокляты, – в разной повторили женщины. На этом обсуждение закончилось. У каждой было своего горя больше, чем человек в силах вынести. А тем, кто знал о готовящемся восстании, было о чем думать и волноваться. Те же, кто не были посвящены, чувствовали печенками, что приближается что-то ужасное. Настроение в лагере передается быстро, неведомыми флюидами, без слов и жестов.

Несмотря на усталость, Саша долго не мог заснуть в последнюю ночь перед восстанием. Вчера исполнение плана пришлось отложить на день – приехали эсэсовцы из соседней части повеселиться в гостеприимном лагере смерти Собибор. Вечером все уехали, значит завтра...

В голове бешено прокручивались варианты операции, которые были уже не раз утверждены с Леоном. Но это план. Все может пойти вкривь и вкось. Завтра может быть последний день в его жизни. Солдату не привыкать сталкиваться со смертью, или подавлять страх перед боем, но здесь бой не на равных. Нет оружия в руках. Когда у солдата нет оружия, или нет патронов, он сдается в плен. А тут, в плену, нужно завладеть оружием, а потом воевать, да и то не на равных. А поскольку не на равных, нужно вырваться из плена и бежать. Неизвестных больше, чем на войне. Заманить в

ловушку надзирателей не просто. Их служебная обязанность – быть настороже и держать заключенных в страхе и подчинении. Не все те, что принимают участие в заговоре, могут и готовы убивать. Хорошо, что есть солдаты, на которых можно положиться. Они должны будут спрятаться в мастерских, куда будут заманивать надзирателей, и там убивать. Потом завладеть пистолетами убитых. А вот добраться к складу оружия и амуниции будет сложно. Если не доберемся – тогда прорыв сквозь колючую проволоку, минные поля, и под пулеметным огнем. А дальше что? Мы в стране, которую мы не знаем. Ни языка не знаем, ни людей. Без еды, без воды, без зимней одежды. Да если бы даже знали язык, поляки нас ненавидят не меньше, чем немцев. Мы ведь вместе с немцами раздербанили Польшу. Немного в помощь будет примитивная карта, которую нарисовал Леон. Мы близко к Белоруссии, так что пойдем на восток. А там... Там наша земля, наши люди. Либо в партизаны, либо прорвемся к линии фронта. Только вот с Илюшкой может быть загвоздка. Он может остаться с Иланой. А он – большая сила. Смелый, с головой, со звериным чутьем, с такими солдатами завоевывают мир. Вот только патриотизма в нем нет. Злой на власть за то, что арестовали его отца как врага народа. Но если Илана будет убита, тогда все вопросы с Ильей отпадут. Впрочем, если он, Александр Печерский, будет убит, то для него тоже не будет больше вопросов и проблем. На мгновение в его голове мелькнула мысль, что Илюша тоже может быть убит, но Саша тут же отогнал ее прочь. Такие железные солдаты не могут быть убиты. Они пойдут до Берлина.

День казался обычным: теплый, мягкий осенний день, какие часто бывают в Польше в октябре. Однако воздух был пропитан флюидами приближающейся

кровавой бури. Возбуждение передавалось всем, даже непосвященным, невидимыми волнами.

Илана несколько раз выходила из мастерской, чтобы вдохнуть свежий воздух и посмотреть, что происходит. Саша почти всегда был на виду. Иногда к нему подходили его бывшие солдаты. Они останавливались на секунду-две, получали инструкции, и продолжали идти дальше.

Илана знала, что убийствами в жилой зоне руководил Саша, а в зоне казарм и надзирателей руководил Леон. Оба были лидеры, которым заговорщики доверяли. Саша особенно внушал уверенность в успехе: он был офицер, человек большой физической силы, с неистощимой энергией и железной волей. С таким не страшно идти в бой.

Когда время перевалило за 4 часа дня, Илана перестала работать. Также перестали работать Эстер и те женщины, которые знали о восстании. Остальные начали поглядывать на них с недоумением. Их озабоченные взгляды просили объяснения, но оно ни от кого не последовало. Напряжение усиливалось тем, что в мастерскую за последний час не заходил ни один надзиратель. Такого никогда не бывало!

В половине пятого Илана вышла из цеха. В это время мимо проходил Илья. В темных глазах его угадывалась беспощадность воина. Сердце Иланы бешенно заколотилось, и погнало пульсирующую кровь в виски. Илья был солдат, человек дела. Несомненно, происходило что-то ужасное.

— Уже троих убили, — бросил Илья на ходу, мельком взглянув на нее. Илана осмотрела лагерь. Он выглядел как обычно: скачущие фигуры на вышках, двое охранников у ворот, и патруль между рядами колючей проволоки. За колючкой — заросшее бурьяном поле, а за ним — лес с пожелтевшими, поредевшими листьями уходящей осени. А в лесу — неизвестность, пугающая и

манящая. Здесь – неминуемая, позорная смерть. Там – есть шанс выжить, или умереть на свободе достойно. Страшно и заманчиво.

Она вернулась в мастерскую и подошла к Эстер.

– Мы должны держаться друг друга, не упускать друг друга из виду, – вполголоса говорила Эстер, посматривая по сторонам. – Вместе мы не пропадем. Вот только мне бы убить кого-нибудь из этих гадов. Я была бы счастлива до конца дней своих.

Ровно в пять часов, как обычно по распорядку, раздались команды общего построения. Все побросали работу и понеслись бегом на площадь. На этот раз все было иначе: не было командующих капо, не было и надзирателей. Вместо них стоял Саша. Он поднял руку, в которой был пистолет. Заключенные замерли.

Саша произнес взволнованную, зажигательную речь. Она была на русском, а в лагере мало кто знал русский. Сашу никто не переводил, но это было и не нужно. Все поняли его.

– Ура! – крикнул Саша, и побежал к воротам. – Ура! – подхватило клич несколько сотен голосов, от которых содрогнулся воздух. Толпа быстро разделилась на две группы. Одна группа ринулась к воротам, а другая – к колючке на южной стороне. В обеих группах были люди вооруженные топорами, ножницами для резки колючей проволоки, ножами, и ломami. И в той, и в другой группе были бывшие солдаты, вооруженные пистолетами, снятыми с убитых надзирателей.

Илана бежала в середине толпы к воротам, в передний лагерь, и кричала в полную силу своих легких вместе с толпой. Раздались одиночные выстрелы, за ними сразу же последовала трескучая дробь автоматных очередей, и несколько мгновений спустя более громкая – из пулеметов, с вышек.

Охрана у ворот начала стрелять в упор по бежавшим навстречу. Люди падали под выстрелами, но те, кто

бежали за павшими, смяли охранников у первых ворот, и завладели их автоматами. Илана пробежала мимо охранника, лежавшего на земле. Он, очевидно, был смертельно раненый.

Илана успела заметить, что солдаты из сашиной группы были вооружены винтовками и пистолетами. Они тоже бежали, но на мгновение останавливались, чтобы выстрелить. И только Илья стоял возле оружейной, приклад винтовки к плечу, и стрелял в охрану спокойным, прицельным огнем.

– Беги! – прокричала Илана, но он ее не услышал. Воздух разрывался от криков восставших, ружейных выстрелов, автоматных и пулеметных очередей со всех вышек и башни, и резких команд охраны. Илана еще быстрее понеслась ко вторым воротам, к колючей проволоке, в которой уже образовался проход. Ужас, затмивший сознание, понес ее туда, куда бежали все. Ужас подавил все ее мысли и чувства, и ощущение времени и бытия. Бежать, бежать, спасти жизнь, и ничего больше – это была не мысль, а зоологический инстинкт, который захватывает живущее существо в минуту смертельной опасности и придает ему силы, о наличии которых оно не подозревало.

Возле вторых ворот тоже стояли охранники и тоже палили в упор в бегущих. Восставшие также сбили их с ног и завладели их оружием. Произошла секундная задержка, когда ломали ворота. Как только освободился проход, Илана бросилась в него, и тут в долю секунды она увидела Эстер. Она сидела верхом на лежавшем на земле охраннике и сразмаху била его по голове каким-то предметом. Илана вылетела за пределы лагеря и побежала к лесу, который был в двухстах метрах от лагеря. Она хорошо помнила слова Ильи: – «доберись до леса, там тебя пули не достанут. А в лесу мы найдем друг друга. Беги за Сашей, я буду с ним, а если потеряемся при побеге, я все-равно его и тебя найду».

Илана бежала, напрягаясь изо всех сил. Сзади была смерть, но впереди, за стеной деревьев, было спасение. Туда, в лесную чащу. Если хочешь выжить. Если хочешь рассказать потом, как это было. Пусть разорвутся легкие, но нужно бежать. Еще пятьдесят метров. Илья утверждал что охрана не решится их догонять. Погоня будет потом, когда сообщат службе СС, а она пошлет солдат прочесывать лес.

И все-таки Илана замедлила бег и оглянулась. Илья нигде не было видно. Илана снова бросилась вперед. Еще один рывок, и она оказалась в лесу, где перешла на шаг. Легкие, казалось, разорвутся от напряжения. Она жадно глотала воздух, но его все-равно было недостаточно. Мимо нее пробежали, уже рысцой, вооруженные солдаты Саши. Она устремила за ними. Вскоре их догнал Саша, живой и невредимый. Он замедлил скорость, и те, кто бежал в этом же направлении, пошли за ним, соизмеряя шаг. Еще полчаса ходьбы, и позади восстановилась тишина. Не слышно было ни выстрелов, ни криков, ни стонов. Саша остановился и сел на поваленное дерево. Люди окружили его, в ожидании команды. Он был тот, кому они доверили свою жизнь. Разумеется, он должен быть тем, кто будет руководить ими и на свободе. Как иначе?

Илана осмотрела толпу вокруг Саши. Большинство было мужчин, но были и женщины. В основном в группе были сильные молодые люди, способные на длительные переходы и изнурительные физические нагрузки. Несколько человек были ранены, или порезались о колючую проволоку. Они рвали какую-то тряпку на ленты для перевязки и жгуты, чтобы остановить кровь. На лицах сбежавших не было улыбок, не было и радости в глазах. Начинался новый этап, с проблемами, которые невозможно было предвидеть или предотвратить.

Говорили негромко, спрашивали, не видел ли кто их друзей. Илана заметила несколько женщин, озабоченно беседующих поодаль.

– Кто-нибудь видел Эстер? – спросила их Илана, повысив голос.

– Я видел, – откликнулся мужской голос. – Она лежала на охраннике, мертвая. Она упала на него в тот момент, когда в нее попала пуля.

Саша поднялся с поваленного дерева и выпрямился, всем своим видом показывая, что хочет произнести речь. Гул разговоров стих. Люди замерли перед Сашей безмолвной, ожидающей массой. Саша обвел собравшихся беглым, цепким взглядом и, заметив Илану, жестом позвал ее к себе. – Переводи, – командирским тоном сказал он, когда она стала рядом. Илана молча кивнула.

– Мы все должны разбиться на маленькие группы, – громко заговорил он. – Так нас будет труднее обнаружить, и у нас будет больше маневренности, и меньше проблем с пропитанием и ночлегом. Предстоит нелегкая жизнь. Завтра лес будут прочесывать войска СС. Нельзя терять время. Всем понятно?

Толпа загудела. Сквозь нее протиснулся Леон.

– Что ты намерен делать? – спросил он Сашу. – Какую группу ты возглавишь?

– Я пойду со своими солдатами на Восток, – ответил он.

– А как же мы? – крикнул кто-то. – Ты что, оставишь нас на произвол судьбы?

– Каждый сейчас отвечает за себя, – ответил Саша. – Те, кто пойдут со мной – солдаты Красной Армии. Никто нас в запас не увольнял. В плену, где угодно, мы остаемся солдатами Красной Армии. Наша обязанность – пробиться к своим и продолжать воевать.

Не успела Илана перевести последние слова, как поднялся гул негодующих голосов. Саша поднял руку и снова наступила тишина.

– От нас здесь все-равно мало толку, – продолжал Саша. – Мы не знаем польского, и это не наша страна. Так что желаю вам успеха. До встречи после войны.

Илана схватила его за рукав. – Подожди Илью, – сказала она с укоризной. – Он, наверное, сбежал с другой группой. Он мне сказал, что найдет тебя и меня.

Саша посмотрел на нее угрюмыми, командирскими глазами. – Илья убит, – тихо сказал он.

У Иланы ослабели ноги. Она попятилась, села на поваленное бревно и уткнула лицо в ладони. Ее тело и мысли сковал холод небытия. Она очнулась от транса, когда почувствовала что кто-то сильно сжал ее плечо. Она подняла голову и обернулась. Это был Леон.

– Нужно спешить, – извиняющимся тоном сказал он. – Дорога каждая минута.

Илана согласно кивнула, встала и пошла за ним.

Прошло три года. Война закончилась, и гражданская жизнь вступила в свои права. Но новые заботы не стерли у Иланы память о прошлом. Осталось одно обещание, которое нужно было выполнить. «Оно было как клятва, данная тем, кого уже давно нет на этом свете», рассуждала Илана, – «а перед мертвыми мы порой чувствуем ответственности больше, чем перед живыми».

Поезд прибыл в Люблин утром. Илана набросила рюкзак на плечи и вышла на перрон в потоке торопливой толпы. Железнодорожная платформа быстро опустела. Илана присела на скамейку возле обшарпанной стены вокзала, достала карту из бокового кармана рюкзака, и развернула ее. Не прошло и минуты как к Илане приблизилась пара изношенных мужских ботинок. Она подняла глаза. Перед ней стоял мужчина в какой-то

странной форме. Ему было лет пятьдесят: его лицо было коричневым от загара, в густой паутине морщин.

– Вам куда нужно? – спросил он дружелюбно. – Могу помочь?

– Может быть, – сказала Илана и достала бумажку с адресом, который ей оставила Божена три с половиной года назад. – Вот, этот адрес. Сюда мне нужно.

Мужчина нахмурил брови, изучил адрес и перевел свой взгляд на карту. Потом посмотрел на Илану и глаза его просветлели.

– Я знаю, где это, – сказал он и сел рядом с Иланой. Он ткнул пальцем в карту и сказал: – Это здесь, на восточной стороне города. Вот здесь, видите? Вы можете туда добраться на автобусе, или на такси. Но такси сейчас мало, найти трудно, а вот автобус прямо со станции ходит.

– Спасибо, – поблагодарила Илана. Она вспомнила, что видела его мельком в одном из партизанских отрядов. Он внимательно ее разглядывал, видимо пытаясь вспомнить, где он ее видел. Илана заторопилась: уж ей ли было не знать, как польские партизаны убивали спасшихся от немцев евреев. Был ли он одним из таких?

Илана поспешно покинула платформу и, чувствуя на себе его взгляд, вышла из вокзала. Нужный автобус стоял на остановке. Как только она запрыгнула в него, шофер закрыл дверь и нажал педаль газа.

Илане понадобилось два часа чтобы найти нужный адрес. Это оказался старый дом, обветшалый и грязный, с покосившимся забором вокруг него. Илана прошла сквозь незапертую калитку, взбежала на крыльцо и постучала в дверь. Ждать долго не пришлось. Через полминуты дверь распахнулась и в проеме появилась женщина, неряшливо одетая в голубую юбку и кремового цвета блузку, за пятьдесят, наверное. Ее

волосы, обильно окрашенные сединой, были аккуратно собраны в узел на затылке.

– Здравствуйте, – сказала Илана. Женщина ничего не ответила. Илана замешкалась на мгновение, а потом сказала: – Меня зовут Илана. Вы – Мазена Ковальчук?

– Да, – ответила женщина и после секундной паузы спросила: – Кто ты? Зачем пришла?

Илана не удивилась такому приему. После войны люди не ждали друг от друга ничего хорошего. Несчастья сыпались градом на всех без разбору. Те, кто в зрелые годы пережил войну, ожидали от незнакомца только мерзости.

– Я ... – Илана вдруг растеряла все слова, которые приготовила для этой встречи. – Я знала вашу дочь, Божиену.

Мазену как будто током дернуло. Ее руки и голова затряслись мелкой дрожью. Она с трудом произнесла: – Проходи. Милости просим.

Она пропустила Илану в маленькую прихожую, закрыла входную дверь и жестом указала Илане пройти в комнату справа. Комната была тесно заставлена изношенной, старой мебелью и всяким хламом, который, предполагалось, должен создать домашний уют: искусственные цветы в облупленной вазе, примостившейся на подоконнике, обнаженная женская фигура на хлипкой этажерке, несколько слоников разной величины и цветастые, нестиранные занавески.

– Садись, – лаконично предложила Мазена, указывая на стул. Сама она устроилась на диване, расположенном напротив окна. В ее глазах метался ветер беды. Она молчала, не отрывая вопрошающего взгляда от Иланы.

– Мы познакомились с ней в лагере, в Собибор, – начала Илана, и запнулась. – Вы слышали о нем, да?

– Да. – Мазена кивнула, а потом спросила: – Как она умерла?

Илана вздохнула и отвела взгляд.

– Оттуда никто не возвращался живым, – пояснила Мазена свой вопрос. – А как ты выжила?

– Там было восстание. Я была в числе тех, кто вырвался на свободу и выжил. Это произошло перед тем, как лагерь собирались закрыть и оставшихся уничтожить.

– Да, да, я слышала об этом, – кивнула Мазена. – В деревнях в округе судачили об этом. Много было всяких слухов.

Она замолчала и стала часто кивать головой, как будто соглашалась с кем-то невидимым, который ей нашептывал эти слухи. Через минуту она взяла себя в руки и как-будто успокоилась.

– Божена была беременна когда ее взяли, – сказала Мазена. В глазах ее появилось странное выражение, то ли надежда, то ли вопрос. Илана начала растирать себе горло, чтобы облегчить спазм. Вся прошлая муть захлестнула ее тяжелой волной.

– Она родила ребенка в лагере. Я ей помогала в родах, я профессиональная медсестра.

– Да, да, – сказала Мазена. Надежда в ее глазах погасла. – Кто родился-то? Мальчик или девочка?

– Мальчик. – Илана сделала несколько глубоких вздохов. Она начала задыхаться.

Мазена закрыла лицо ладонями. – Как назвали его? – спросила она.

– Лукас.

– Лукас, – повторила Мазена не отрывая ладони от лица. – А сколько времени прожил он?

– Один день, – ответила Илана.

– Один день, – повторила Мазена и отняла руки от лица. В глазах ее не было слез, только бесконечная усталость и боль. – Я потеряла мужа и сына. Они ушли в партизаны, там и погибли. А Боженку мою – эту, сама знаешь, взяли за то, что они с мужем прятали евреев. И что? И евреи погибли, и моих не стало.

Илана была растеряна. Что на это ответить? Она откашлялась, чтобы собраться с мыслями, но подходящие слова не шли на ум.

– Всего один день? – спросила Мазена.

– Один день. Ее увели, а ребенка оставили. Я его взяла. Без еды, в холоде, сколько малютка может прожить? Я все делала, чтобы продлить его жизнь, хоть на несколько часов. А потом за ним пришли. Но он был уже мертв.

Мазена окаменела. Она смотрела в окно безжизненными глазами.

– Я тоже потеряла всю семью – сказала Илана. – В Собиборе. – Илана глубоко вздохнула, пытаясь справиться со взрывом воспоминаний. – Их сожгли в топке. А я осталась в живых. Я живу с этим, и мне тоже не с кем разделить мое горе. Да оно и не делится.

Мазена метнула на нее косой взгляд. – Ты молода, у тебя жизнь впереди. А у меня только горе позади, и горе впереди, которое не лечится. – Она снова уставилась в окно и задумчиво произнесла: – Ты – другое дело. Ты ведь еврейка. А нас то Господь наказал за что? За то, что мы спасали вас?

– Нельзя так говорить, – сказала Илана. – Вы берете большой грех на душу. А я к Лукасу относилась, как преданная мать. Он умер у меня на груди. Но его маленькая душа живет со мной, живет во мне, и не старится. Никто, кроме меня, не знает его.

Мазена ничего не ответила.

– Я пойду, пожалуй, – сказала Илана и поднялась. Мазена продолжала молча смотреть в окно. Илана была уверена, что Мазена не слышит ее. Наверное, сошла с ума, подумала Илана.

– Прощайте, Мазена, – сказала она. Не получив ответа и на этот раз она вышла из дома. На автобусной остановке она пришла в себя и осмотрелась.

Равнодушное, ласковое солнце согревало ожидающих автобуса своим теплом. Вокруг полыхала весна, щедро, не скупясь раскидывая за горизонт густую зелень листвы и травы, нежные краски цветов и волнующие запахи, возбуждающие ни с чем не сравнимую радость созидания новой жизни. Волшебная пора наступающего лета, голубого неба, улыбок молодых женщин в легких платьях и дурманящего трепета любви. Жизнь продолжается. Без Ильи. Без Эстер. Без Лукаса.

– Илюшенька. Эстер. Божена, – прошептала она. – Ничто не сотрет вас из моей памяти. – А ты, Лукас, занимаешь особое место в моем сердце. Маленький человечек, без прошлого и будущего. Но ты будешь жить в душе моей до конца дней моих. Мы умрем вместе.

КОНЕЦ